

З. С. ГАТИНА, Д. М. ГРЕБЕНКИНА

ЛИЧНЫЕ ВОСПОМИНАНИЯ О ПОСТСОВЕТСКИХ УНИВЕРСИТЕТАХ И АРХИВ ПРОФЕССОРСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

В статье анализируется язык и способы самоописания современного российского академического сообщества¹. Авторы данной работы на основе интервью с преподавателями постсоветских университетов пытаются определить, существует ли в сознании университетского людей представление о традиции, каковы их темпоральные ощущения, каким образом формируются индивидуальные воспоминания и как они соотносятся с коллективными представлениями об идеальном университете.

Ключевые слова: *устная история, интервью, академическое сообщество, традиция, постсоветский университет.*

Кризис, настигший российские вузы в конце 1980-х гг. еще не стал предметом специального изучения. Он зафиксирован, в основном, в журнальных публикациях, распорядительных документах и статистических отчетах. Однако эти виды источников не позволяют понять, как университетские люди осмысливали радикальные перемены в их жизни, какие уроки извлекали из них, как соотносили свою жизнь и жизнь *alma mater*. Журналистов интересует не прошлое, а значимые перемены в настоящем, поэтому из массы свидетельств они выбирают наиболее радикальные. В текстах законов и министерских распоряжениях от противоречивой реальности остаются лишь следы последовательных институциональных трансформаций (переименования прежних и учреждение новых университетов, многочисленные реорганизации вузов).

Статистические сборники лучше зафиксировали пульсацию университетских перемен². Мы будем их использовать в качестве «фигуры фона». Согласно официальной статистике, в начале 1990-х гг. больше всего университетских преподавателей работало в Москве. В последующие годы наметилась тенденция к снижению доли столичных ученых в общей массе вузовских работников: если в 1990 г. в Москве было сосредоточено 20% всего преподавательского состава, то в 2003 г. данный

¹ Данное научное исследование (№ 14-05-0061) выполнено при поддержке Программы «Научный фонд НИУ ВШЭ» в 2014 г.

² Мы анализировали данные из статистических изданий: «Образование в России» за 2003 год, (см. на сайте Федеральной службы государственной статистики (http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1139916150203), и «Образование в Российской Федерации» за 2010 год.

показатель упал до 17,8%. Кроме Москвы в постперестроечное время центрами «сосредоточения» вузов были Ростовская область, Республика Татарстан, Свердловская область. В Ростовской области было прописано 3%, в Республике Татарстан – 2,5% и в Свердловской области – 2,6–2,9% всех российских преподавателей. В нулевые годы нынешнего века начался интенсивный рост численности вузов и их служащих. Если с 1990 по 2000 г. прирост за год составлял примерно 4 тыс. чел., то с 2000 по 2007 г. прирост составлял 6–19 тыс. чел. в год. Исключение – 2008/9 учебный год, когда прирост штатного состава был менее тысячи человек. В 1990–2003 гг. доля преподавателей с ученой степенью почти не менялась (57%), тогда как с 2003 по 2009 г. шло резкое увеличение числа остепененных лекторов. К 2009 г. этот показатель вырос до 63%³.

Статистика позволяет убедиться в том, что в постсоветские времена академические сообщества претерпели довольно сильные трансформации: изменилось гендерное и возрастное представительство, соотношение ученых званий и ученых степеней, преподавателей и студентов, географическое распределение вузов, объем учебной нагрузки. Из официальных отчетов явствует, что в 1998–2003 гг. в вузах доминировали преподаватели в возрастном диапазоне от 40 до 49 лет. Чуть меньшей по представительству была возрастная группа от 50 до 59 лет. Вместе они составляли около 50% всего преподавательского состава. Самая малочисленная возрастная группа – 65 лет и более. Если совместить анализ возрастных данных штатных сотрудников с их должностями, то получается следующая картина: более 50% состоящих в должностях преподавателей и ассистентов были молодыми людьми в возрасте до 30 лет; среди старших преподавателей возрастные доли распределялись равномерно – от 30 до 39, от 40 до 49, от 50 до 59 лет. Доценты были самой разновозрастной группой. А среди профессоров преобладали люди от 65 лет и старше. Заведовали кафедрами коллеги в возрасте от 40 до 59 лет, и в 20% случаев – перешедшие 65 летний рубеж. Среди деканов 60% составляла группа от 40 до 59 лет. Такая же возрастная ситуация с ректорами, проректорами и директорами филиалов⁴.

В период с 1995 по 2009 г. большинство вузовских преподавателей работали в должности старших преподавателей и доцентов. С 1995 до 2003 г. доценты составляли около 36% всего персонала вузов. К 2009 г. их доля выросла до 40%. Старшие преподаватели составляли 23%, а

³ Образование в России 2003. Табл. 5.23; 5.14; Образование в Российской Федерации 2010. С. 152. Табл. 4.38.

⁴ Образование в России. 2003. Табл. 5.16.

после 2003 г. их доля стала снижаться и к 2009 г. составила 21,7%. Почти не менялась доля преподавателей и ассистентов с 1995 по 2003 г. (около 20%), но с 2003 г. она стала снижаться и в 2009 г. составила уже 16,3%. Университетская административная элита (ректоры, проректоры и деканы) составляли 2% от всего профессорско-преподавательского состава. В интересующий нас период отмечается незначительный, но устойчивый рост числа профессоров. В 1995 г. 14,6 тыс. преподавателей (6%) имели звание профессора. В 2003 г. их стало 25,9 тыс. (8,8%), а в 2009 г. – 35,7 тыс. (10%)⁵.

Такова картина перемен, увиденная с «высоты птичьего полета», т.е. на основе университетских отчетов и данных общероссийской статистики. Казалось бы, более конкретную картину можно воссоздать на основе университетского делопроизводства. Однако такие ожидания не оправдались. В России в государственные архивы отбираются вполне определенные виды текстов. В них хранятся министерские распоряжения, протоколы заседаний, ведомости об успеваемости, личные дела сотрудников и студентов, финансовые отчеты⁶. В 1990–2000-е гг. во многих «старых» университетах система документооборота и архивирования начала давать сбои (в архивы не сдавались документы из факультетских и университетских канцелярий, на многих кафедрах не велись протоколы заседаний), а в новых университетах система делопроизводства еще не была налажена. В результате этого целые фрагменты университетской жизни оказались безвозвратно утеряны для исследователей. Конечно, современные средства коммуникации (к примеру, телефонные разговоры, электронная переписка) могли бы восполнить информационный дефицит. Однако зафиксировать и использовать их свидетельства – трудно выполнимая задача для историка. В результате мы имеем дело с очевидной лакуной в изучении столь насыщенного событиями и неординарными инициативами времени.

Всё это побудило Научно-учебную группу по изучению истории постсоветских университетов НИУ «Высшая школа экономики» (рук. – Е.А. Вишленкова) искать альтернативные пути для получения сведений о современной истории университетов⁷. Ради этого мы приступили к

⁵ Образование в России. 2003. Табл. 5.15; Образование в Российской Федерации 2010. С. 152. Табл. 4.39.

⁶ Вишленкова, Ильина 2013; Vishlenkova 2012; Ильина 2011.

⁷ В 2014 г. студенческая группа Центра университетских исследований Института гуманитарных историко-теоретических исследований им. А.В. Полетаева (НИУ ВШЭ) обрела автономный статус и начала реализацию собственного исследовательского проекта «История и память российских университетов 1980-2000-х годов».

созданию «архива университетской идентичности», т.е. к собиранию персональных текстов людей, имеющих опыт университетской жизни (от представителей администрации и профессорско-преподавательского состава до технических работников). Изучение мирового опыта создания таких коллекций показывает, что, как правило, они организованы вокруг какого-либо политического события (например, войны) или социальной группы⁸. В этих хранилищах аккумулируются мемуары, интервью, автобиографии, устные рассказы, личные документы и биографические тексты, т.е. всё то, что игнорирует государственная архивная служба. Намеренность создания архивов идентичностей сопоставима с намеренностью учреждения государственных архивов. В обоих случаях мы имеем дело с дискурсивно организованными комплексами свидетельств. Это обстоятельство ставит собранные нами рассказы в равное положение с прочими историческими источниками.

Интервью

Такие преимущества устных источников, как отсутствие проблем в установлении авторства, сохранение непосредственных впечатлений и искренности, свойственных разговорной речи, возможность обращения к жизненному опыту человека, сделали метод *oral history* особенно привлекательным для исследователей культуры. Студенческая группа Центра университетских исследований стимулировала воспоминания университетских людей в устной беседе или посредством отправленного по электронной почте вопросника. Мы договаривались о встрече и получении интервью с профессорами и доцентами университетов, а также с представителями научных организаций и фондов. Гид, которым руководствовался каждый интервьюер, включал двенадцать вопросов:

1. *Расскажите немного о себе. Кто были Ваши родители? Что значило в Вашей семье высшее образование?*

2. *Существовала ли мода в выборе специальности, когда Вы сами поступали в университет? Как определился Ваш выбор?*

3. *Почему Вы стали университетским преподавателем?*

4. *Каким был Ваш университет в 1980-е годы? Можете ли выделить какие-то особенности? значимые события? поворотные моменты? Какую позицию в нем Вы занимали?*

5. *Как управлялся университет в те годы? Как финансировали науку?*

6. *Как он изменился в годы перестройки? Как изменилось Ваше место в нем? Какие тогда были условия преподавательского труда? С какими трудностями Вам приходилось сталкиваться? В чем они выражались? Как Вы их преодолевали?*

⁸ Blouin, Rosenberg 2010. Подобные архивы собирают студенты под руководством профессора Н.В. Брагинской в РГГУ, профессора Н.А. Захарова в МГУ.

7. Чем отличался университет 2000-х гг. от советского времени? Какие тенденции в нем Вас радовали и настораживали?

8. Что происходит с российскими университетами сегодня? Есть ли преемственность между императорскими, советскими, перестроечными и постсоветскими университетами?

9. В чем, по-Вашему, настоящее назначение университета?

10. Предполагали ли Вы когда-либо уехать из своего родного города и перейти на другую работу?

11. Были ли Вы включены в систему западных и отечественных грантов? В чем достоинства и недостатки такой системы финансирования науки?

12. Какие факультеты считаются главными и какие - второстепенными в Вашем университете?

Разумеется, эти вопросы служили, скорее, ориентиром, чем жесткой схемой в беседе. Зачастую итоговый текст отличался от исходной модели, поскольку интервью – это разговор с живым человеком. И направление этой беседы может соответствовать ожиданиям интервьюера, а может и расходиться с ними. Среди опрошенных – представители профессорско-преподавательского состава, бывшие и ныне действующие ректоры, их помощники, научные сотрудники. Возрастной диапазон информантов – от 35 до 80 лет. Самые молодые принадлежат к поколению людей, недавно вступивших на преподавательскую должность, чье становление пришлось на перестроечные 1990-е гг. Среди почтенных преподавателей есть те, кто уже не одно десятилетие находится на пенсии и не занимается студентами. К июню 2014 года собрано 101 интервью. Примерно треть из них с согласия информантов опубликована на сайте Центра университетских исследований⁹.

Среди опрошенных мужчин 62 и 39 женщин. Их средний возраст – 58,5 лет. Около 53% информантов указали специализацию история, 9% – философия, 5% – филология и 4% – психология. Конечно, есть и представители точных наук, но их меньшинство: 86 из 101 опрошенных – гуманитарии. 48 информантов – доктора наук, 37 – кандидаты наук, 16 – не указали ученую степень, либо ее не имеют. Из 100 опрошенных 49 работают в НИУ ВШЭ, 5 – в МГУ, 7 – в СПбГУ. В Казанском университете и других казанских ВУЗах работают 10 информантов, в Омске – 5. Среди опрошенных есть также преподаватели Российского государственного гуманитарного университета, Института США и Канады РАН, МГПУ, Марийского госуниверситета, университетов Чувашии, Якутии, Ростовской области и других регионов.

В результате основным источником наших исследований по истории постсоветских университетов служат полуформализованные и нар-

⁹ Интервью по истории университетов: <http://igiti.hse.ru/unimemory/interview>.

ративные интервью, а способом их обработки – «обоснованная теория», при которой мы моделируем гипотезу при постоянном расширении и обновлении базы данных. В статье мы рассмотрим вопрос о границах применимости методов устной истории к изучению академических сообществ и, при этом, во-первых, будем ориентироваться на теоретические разработки в области устной истории (oral history), истории жизни (life story), культурных исследований и исторической социологии; а, во-вторых, сопоставлять их с полученными нами результатами опросов. Большую помощь нам оказал один из основоположников устной истории Лутц Нитхаммер¹⁰, дав несколько важных советов и поделившись личным опытом работы с такой высокореклексивной группой информантов, как университетские преподаватели и научные сотрудники¹¹.

Задачи интервьюеров

С одной стороны, мы ставили перед собой практическую цель получить свидетельства по истории постсоветских университетов, а с другой, имели в виду перспективу проведения на их основе исследования и создание нарратива университетского пошлого. Априорно мы подразумевали интерпретацию понятия «университет», которое давали его «обитатели» и расшифровку смыслов академической жизни, которые они предлагали. Такая установка потребовала не только анализа языка университетского самоописания, расслоения коллективной мифологии на индивидуальные и групповые интересы и версии прошлого, изучения персональных стратегий карьеры, но и последующего синтеза этих свидетельств в аналитический рассказ о постсоветских университетах. Мы назвали такой синтез «новым», имея в виду создание исторического нарратива с пониманием дискурсивной природы полученных свидетельств. Выбранный подход нуждается в учете социальной и профессиональной специфики нашей группы информантов.

Устная история как исследовательское направление появилась, когда возникла необходимость зафиксировать быстро меняющееся настоящее. Когда историки осознали, что вместе с уходом из жизни участников событий уходит их память, тогда возникла идея зафиксировать ее, обратиться к голосам «снизу». Л. Нитхаммер уверяет, что наивность в саморепрезентации, которой обладают рабочий или крестьянин, облегчает исследователю извлечение из услышанного рассказа информации. И, наоборот, этот процесс усложняется, когда собеседником выступает

¹⁰ Нитхаммер 2012; Niethammer 1980; Niethammer 1994; Niethammer 2012.

¹¹ Интервью было взято руководителем студенческой лаборатории Центра университетских исследований Зариной Гатиной 18 октября 2013 года. Оно опубликовано на сайте этого Центра (<http://igiti.hse.ru/unimemory/int-nithammer>).

человек, оценивающий конечный продукт. Университетский преподаватель при построении рассказа о себе оперирует коммуникативными навыками, свойственными представителям высокорефлексивной группы. Преподаватели по долгу службы вынуждены постоянно прибегать к практикам саморепрезентации, что позволяет им контролировать процесс беседы. С другой стороны, когда нет реальной угрозы, единственным сдерживающим фактором для откровенности служит стремление сохранить престиж. Ради его поддержания человек выбирает одну из двух тактик: «либо повторяет коллективный миф о том, как все рухнуло и все сломалось, или человек изображает себя каким-то экстремально исключительным, уникальным». Вторая особенность, которую нужно в этом случае учитывать, заключается в возможностях и ловушках человеческой памяти. Необходимо уметь различать «память» как психическую функцию, биохимический процесс переработки и хранения информации, и «память» как процесс воспоминания. Память не может воспроизвести реальность прошлого, она может лишь указать на то, что вызвало переживание этой реальности. Исходя из этого, следует задавать вопросы, запускающие работу эпизодической памяти, которая предохраняет информанта от соблазна транслировать не свои воспоминания, а воспоминания, навязанные обществом, скажем, официальную или литературную версию прошлого¹².

Конечно, методология, разработанная в рамках устной истории, несовершенна. Любое интервью – это рассказ человека о пережитом, о личном опыте. Качество и результат интервью, степень оправданности ожиданий исследователя зависят от множества нюансов, начиная от характера сформулированных вопросов и заканчивая настроением информанта. Психологически важно найти подход к собеседнику, предварительно познакомиться с ним по его публикациям и автобиографическим текстам, а если понадобится, то разработать индивидуальный вопросник. Специалисты в области устной истории¹³ продолжают совершенствовать способы обработки устных свидетельств и расширяют поле применения интервью. При этом особое внимание уделяется способам стимулирования памяти у опрашиваемого, мобилизации его воспоминаний, а также обучению мастерству интервьюирования в целом.

Согласно выводам теоретиков *oral history*, существует три показателя, на которые надо обращать внимание при раскодировании тек-

¹² Интервью с Л. Нитхаммером, 20 октября 2013.

¹³ Томпсон 2003; Квале 2003; Щеглова 2010. См. также: Нитхаммер 2012. Существует и целый ряд интернет-ресурсов, знакомящих читателя с новейшими подходами в этой области: <http://www.oralhistory.org/publications/>.

стов: принадлежность к определенному поколению, полу и наличие переломных моментов в жизни. Действительно, через рассказы о поколенческих конфликтах и взаимоотношениях между «старым» и «новым» выстраивается изломанная линия преемственности или разрывов в университетском прошлом. Довольно часто информанты конструировали «поколения» на основе гендерных стереотипов (например, преподаватель-мужчина описывает себя в роли добытчика, и все его повествование о трудностях академической жизни имеет финансовую или коммерческую окраску – конкретные примеры будут приведены ниже). Преподаватель-женщина, как правило, подчеркивает материнские обязанности. Ее жизнь фрагментирована не только вехами научной карьеры, но и замужеством, появлением детей и внуков.

Что касается обращения к экзистенциальным, переломным моментам, то по Л. Нитхаммеру, они «бывают в жизни каждого человека, в том числе в жизни каждого университетского человека». Верный способ пробудить воспоминания и получить интересующую информацию заключается в том, чтобы «спросить о том длительном времени, когда он готовился к университетской карьере и сопоставить его с такими личными вещами, как создание семьи, выращивание детей». Все, что остается исследователю, – держать в голове все особенности, свойственные представителям академической среды, и использовать их с максимальной выгодой так, чтобы они играли не против него, а за него.

Учитывая все сказанное, мы постарались проблематизировать язык и способы самоописания академического сообщества. В частности, нас интересовало, есть ли у данного информанта представление о традиции, частью которой он является. И если да, то, что это: некие базовые ценности, содержание которых не совсем ясно, но наличие четко улавливается, или же нечто конкретное, проявляющее себя в любом университете в любое время и имеющее непосредственное влияние на данного человека? Что представляет собой, по мнению информантов, «университетская культура»? О ней ведь много пишут журналисты, к ней как ценности апеллируют почти все преподаватели.

Одной из наиболее сложных задач было выяснить темпоральные ощущения университетских людей. В своих исследованиях Е.А. Вишленкова писала о синхронизации в сознании профессора XIX века своей личной жизни с большой жизнью *alma mater*, о выходе университетского существования за пределы человеческого времени¹⁴. Мы пытались определить, являются ли эти ощущения университетского

¹⁴ Вишленкова 2011.

человека вневременными? Что служит для современных профессоров и доцентов точками бифуркации или цезурами, позволяющими сегментировать академическую жизнь на периоды? Мы хотели узнать, как видят преподаватели свою ответственность за университет (т.е. понять их субъектность), как индивидуальные воспоминания соотносятся с коллективными представлениями об идеальном университете и реальном университетском прошлом, чем является университет для его нынешних «обитателей»: государственным учреждением, храмом наук, домом, сообществом профессионалов, самоуправляющейся корпорацией, научной лабораторией, хранилищем культурных ценностей.

В данной публикации мы представляем не итоги исследования, а предварительные наблюдения и выводы. Для нас важно обратить внимание историков на собранные нами тексты интервью. Они представляют собой сложносоставной и ценный источник для изучения университетского прошлого. Их раскодирование и анализ позволяет узнать много нового о самих себе и о своем месте в университете, а также о месте университета в нашем сознании.

Языки самоописания

В собранных интервью информанты соотносят себя с разными поколениями, что особенно заметно в рассказах о семейной и научной традиции, частью которых рассказчик себя мыслит. Первая связана с ролью высшего образования в конкретной семье. Для тех, в чьих семьях высшее образование было нормой, типичными являются утверждения: «образование в нашей семье было самим собой разумеющимся понятием» (А.Б. Каменский, Л.Б. Карачурина), «стремление к образованию было присуще нашей семье» (Г.А. Чмутова), «как же иначе без высшего образования» (В.К. Антонова), «в моей семье высшее образование всегда считалось необходимостью» (А.К. Афанасьев), «у меня в семье было принято получать высшее образование» (И.И. Варьяш). Представители этой группы выросли в среде, где университет был этапом взросления¹⁵. В тех семьях, для которых какая-либо специализация была потомственной, продолжение фамильной линии считалось обязанностью детей («Я несколько раз менял место жительства и характер своей работы, но как ни пытался уйти от семейной традиции – преподавать историю – это у меня не получилось»: А.Л. Камалов), а отклонение от нее трактуется в категориях измены («То есть я из семьи медиков, но немного предала медицинскую традицию»: Н.А. Заигрина). Вторая категория информантов, чьи родители не имели высшего образования, репрезентируют себя

¹⁵ Е.А. Вишленкова, Н.В. Семина, Н.Ю. Беляева

либо в качестве первопроходца, либо ссылаются на волю случая. При этом для их родителей было важно дать ребенку то, что не имели сами, но ценили («единственная возможность преуспеть в жизни»: М.Ю. Гребенкин, «кусоч хлеба»: И.С. Дмитриев, «во что бы то ни стало»: А.Е. Иванов). Наличие высшего образования могло определять характер взаимоотношений между членами одной семьи, сплачивая или, наоборот, его отсутствие вызывало неравенство, обиды или размолвки (М.Ю. Гребенкин). В интервью университетских администраторов (ректоров, помощников ректоров и деканов) часто звучат метафоры семьи – отца или матери, которым приходится, с одной стороны, учитывать интересы младших членов, с другой – быть строгими контролерами (А.Б. Каменский, М.А. Боровская). Те же метафоры охотно используются информантами при описании «славных начальников». Так, В.И. Харитоновна, рассказывая о своем заведующем кафедры, вспоминает: «он пекся о нас же – бедных и несчастных, чтобы потом где-нибудь чего-нибудь не вышло... Он берег нас всех».

В иной связи тема поколений возникает в сюжете о научных школах. Тогда информанты вводят в рассказ о себе хронологические категории. Так, В.В. Файер соотносит себя с поколением людей, чье становление пришлось на 1990-е гг. Неоднократно используя определение «представитель своего поколения» / «нетипичный представитель своего поколения», он сравнивает себя с поколением своих учителей. Другой линией разграничения оказываются представители «старой формации», демонстрирующие профессиональную непригодность, и современные преподаватели, более демократичные и гибкие. Соотнесение себя с определенным научным поколением происходит через придание своим мыслям и поступкам надындивидуального, группового характера: «это трудно объяснить словами, но каждый выпускник 1960–1970-х годов скажет вам то же самое» (Л.М. Лященко), «в свое время у нас» (М.Х. Салахов), «я как раз являюсь поколением перестройки» (И.И. Варьяш) и др.

Анализ собранных интервью показывает, что преподаватели довольно часто используют понятие «традиция», применяя его как в бытовом, так и в аналитическом значении¹⁶. Для части из них это понятие тесно связано с категорией преемственности, линию которой они протягивают от XIX или даже XVIII в. через советскую эпоху к современности. Традиция выступает базовой ценностью, устойчивой перед лицом изменений, происходивших в советское время. Большая часть

¹⁶ О различиях в прагматике этого термина см: Вишленкова, Дмитриев. 2013.

из тех, с кем нам удалось пообщаться¹⁷, отмечает, что преемственность в университете возможна благодаря конкретным «интеллектуальнейшим» людям, «носителям передовых идей», формирующим кафедры, факультеты, научные школы и направления, передающим знания и культурные ценности через общение и книги. Среди тех информантов, кто не видит преемственности в истории российских университетов, одни связывают это с непохожестью конкретных учебных заведений на предшественников, другие – с трансформацией понятия «университет» «в таком старом добром значении этого слова» (В.В. Савчук), либо с приостановкой воспроизводства новых кадров (Е.С. Заварина).

Часть информантов утверждает преемственность нынешних университетов от их предшественников через вневременные категории. Так, для А.Б. Каменского университет априорно консервативен. Говоря о статусе вузов, их финансировании, организации учебного процесса, о доминировании преподавателей преклонного возраста, он констатирует: «это *всегда* было так». Столь же вневременной кажется университетская жизнь: «Отчетность всевозможная мучила преподавателей *всегда* и продолжает мучить их и сейчас» (А.Б. Каменский). К категории «так было испокон веков и сохраняется до сих пор» (Г.А. Чмутова) преподаватели относят все, что связано с неотъемлемыми характеристиками академии («относительная интеллектуальная свобода» (Р.М. Шукуров), «высокое отношение к жизни, к делу и друг другу» (Г.А. Чмутова)), образом профессора (И.Н. Данилевский, Р.М. Шукуров), атрибутами профессии преподавателя (малооплачиваемость: А.Л. Доброхотов), назначением университета (В.К. Антонова, И.П. Кулакова).

Во многих интервью преемственность являет себя через повторяемость конкретных событий, «университетских обычаев» и «заведенных ритуалов» и представляет собой нечто передающееся из поколения в поколение. Это могут быть журналы для интеллигенции (А.Б. Каменский), идеи научной школы (Ю.А. Иваненко), тенденции в преподавании (А.Е. Иванов), обучении, профессии (А.К. Афанасьев). Примерами заведенных ритуалов служат упоминания учителей в научных работах (И.П. Кулакова), а также осенний сбор картошки у первокурсников (А.Б. Каширин) и слет поклонников авторской песни (А.Г. Васильев). Гораздо реже преемственность понимается в абстрактных категориях. Для М.Ю. Гребенкина единственным хранителем и транслятором тра-

¹⁷ К примеру, О.В. Кучмаева, Т.С. Исмагилова, В.К. Антонова, Е.Н. Моргачева, А.Б. Каширин, И.И. Варьяш, О.С. Воскобойников, А.Е. Иванов, Б.И. Липский, М.Ю. Гребенкин, Ю.А. Иваненко.

дий является преподавательская среда, которая ценит «особый университетский дух, высокий личный уровень культуры, некоторое стремление сохранить научную порядочность». Для В.В. Файера понятие традиции несет в себе не только позитивные, но и негативные коннотации: оно активно эксплуатируется Московским государственным университетом в рекламных целях. МГУ позиционирует себя хранителем университетских традиций, выполняя при этом роль консерватора «традиционных [то есть архаичных] форм академической деятельности, традиционных форм академических взаимоотношений».

Понятие «университетская культура» информанты используют крайне редко. Судя по контексту, вместо «культуры» они предпочитают говорить о «тенденции», «тренде», «культурном проекте» (В.В. Файер).

Хронология

Задавая вопрос о том, могут ли преподаватели выделить какие-либо периоды в истории университета, мы не рассчитывали получить ответы с четкой хронологической разбивкой. Однако некоторые информанты предложили оригинальные варианты периодизации истории постсоветских университетов, опираясь на какой-то один наиболее важный для них критерий. Так, С.Б. Крих делит пережитое университетское прошлое на три периода (1993–2000, 2000–2006 и с 2007 г.) и объясняет, что менялось в каждом из них с точки зрения ориентации системы высшего образования и государственного контроля над ней. Деление университетской истории Н.Е. Покровского по десятилетиям доказывает его убеждение, что произошла подмена просветительских идеалов «менеджментом интеллектуального процесса». С.П. Бычков организует разнородные события пережитого прошлого линией упадка.

При всем разнообразии способов осмысления времени есть общие моменты во всех интервью, связанные с дисциплинарной спецификой работы информанта и качеством его жизни. Для научной работы было важно, что в 1990-е гг. исчез из университетского преподавания целый ряд идеологизированных дисциплин и появилась свобода мысли и обучения (В.И. Ильин). Во всех иных ситуациях самым главным оказывался уровень дохода. 1980–2000-е гг. информанты делят на три периода: позднесоветский – с достойными зарплатами, перестроечный – период «униженной нищеты» и современный – постепенный рост статуса и качества жизни преподавателя (А.Т. Липатов, Ю.А. Иваненко).

Почти у всех информантов публичная и приватная жизнь тесно переплетены. Неслучайно поэтому этапы, на которые они делят процесс становления себя как личности и свою семейную жизнь, часто совпадают с представлениями об этапах развития университета. Иногда – в об-

ратном порядке: если в жизни конкретного человека всё складывалось успешно, значит, университет в те годы процветал (А.Л. Камалов). Люди старшего поколения, особенно те, кто связал свою жизнь с одним учебным заведением, видят себя свидетелями «всех этапов развития и распада» университета. Можно выделить разные версии деления академической жизни. Первая, «профессиональная», сводится к двум-трем периодам: вхождения в университет, его обживания и нахождения в нем. Информант в таком случае выделяет этап поступления и обучения в университете, в т.ч. в аспирантуре¹⁸. На этот период приходятся первый опыт преподавания. Второй этап – утверждение в академическом сообществе в качестве лаборанта, преподавателя, научного сотрудника, заведующего кафедрой¹⁹. Точками опоры при делении университетской истории на периоды выступают некие важные моменты. Такими моментами выступают идеологические, политические трансформации, а также изменения в информационной среде и отношении к профессуре 1980-х (А.Б. Каменский) и 1990-х гг.²⁰, визуальный переход (В.В. Файер), переход от культуры книги к культуре Интернета (А.М. Руткевич) и др. Иногда речь может идти о каком-то одном конкретном событии, как

¹⁸ Согласно Росстату, в 2000-2008 гг. оканчивали аспирантуру с защитой диссертации лишь 22–33,5% обучающихся. В научно-исследовательских институтах 17,5–22,9% защищали диссертацию после аспирантуры. Спад отмечается в 2001 г., а с 2002 по 2006 г. наблюдается рост. С 2006 до 2008 г. проявилась тенденция к снижению этого показателя до 28,1%. В научных институтах динамика защищенных кандидатских колеблется почти каждый год, то понижаясь, то вновь продолжая расти (Образование в Российской Федерации 2010 С. 431. Табл. 8.4.15). Наибольшее число защищенных докторских диссертаций с 2000 по 2008 г. приходится на представителей технических наук. Как минимум в три раза меньше у соискателей степени физико-математических, педагогических и медицинских наук. Защищенных исторических, философских и филологических диссертаций меньше технических в 4-7 раз. В 2000 г. было защищено по всей стране 486 диссертаций, в 2001 г. данный показатель упал до 397, позже до 2005 г. наблюдался рост (516 диссертаций в 2005 г.), с 2006 по 2008 г. оды наблюдается очевидный спад (в 2008 г. всего 297 защищенных докторских диссертаций). (Образование в Российской Федерации 2010. С. 444. Табл. 8.4.30). Стоит обратить внимание на тот факт, что в 1990 г. кандидатов наук было в среднем в 8 раз больше, чем докторов наук. За последующее десятилетие соотношение резко изменилось. Так, уже с 2001 по 2009 г. кандидатов наук стало больше, чем докторов всего в 4 раза. Аналогичная ситуация имела место среди людей, имеющих ученое звание доцента и профессора. Если на 1990 год доцентов было в 5,6 раз больше, чем профессоров, то с 2001 по 2009 г. – только в 3 раза. За 1990-2009 гг. из общего штата преподавателей ученую степень имели в среднем 57-63%, а ученое звание 38-43% (Образование в Российской Федерации 2010. С. 152. Табл. 4.38).

¹⁹ См., например, А.Б. Каменский, Г.А. Чмутова, А.Г. Васильев.

²⁰ Т.Г. Архипова, И.Н. Данилевский, В.В. Савчук.

например, «август 1991 года и антикоммунистический переворот в Москве, а потом и по всей России» (Р.М. Шукуров) или о ряде событий, целом процессе, например «переименования, изменение статусов высших учебных заведений начала 1990-х годов» (М.Л. Бережнова).

Второй способ хронологического деления университетского прошлого, назовем его условно «персонифицированный», связан с деятельностью отдельных личностей и их роли в развитии университета. При этом период расцвета учебного заведения, когда в нем «бурлит научная жизнь», он живет «блистательной жизнью» (Е.Б. Смилянская), проходят его «лучшие годы» (И.В. Карацуба), как правило, связан с деятельностью людей «ярких», «активных», «крупных», «интересных», «пассионариев» (Е.Б. Смилянская). В то время как деятельность ректоров, деканов, заведующих кафедрами, не обладающих лидерскими качествами, слабо включенных в академическую среду (Е.А. Вишленкова), связывают со временем угасания, увядания, а порой и гибели университета.

Кроме указанных общих способов рассказывания об университетском прошлом, в интервью обнаруживаются оригинальные версии. К примеру, периоды преподавания как хобби и преподавания как профессии (В.В. Файер), «наше время» и время «современное» (Т.П. Гусарова). Это может быть история университета, рассказанная через собственную биографию, либо как история издательской деятельности (А.Е. Иванов, Н.Ю. Беляева), либо как история повседневности – через изменение ассортимента в столовой, через тематику ночных бесед в студенческих общежитиях (И.И. Варьяш), наличие и резкое исчезновение на кафедральном столе сыра (Ю.А. Иваненко).

Идентичности

Мы имеем дело с разными стратегиями идентификаций. Наши информанты видят себя сразу в нескольких ипостасях: ученый, администратор, переселенец, семьянин, писатель, общественный деятель и даже предприниматель. Важно, чтобы в создаваемом архиве нашли отражение все грани университетского человека переходного времени. Информанты утверждают, что включенность в разные социальные среды формировала супер-ответственность по отношению к окружающим их людям²¹. Каким образом многочисленные социальные роли сосуществуют в одном человеке? Конфликтуют ли они между собой или

²¹ В.В. Файер признался, что, преподавая латынь в Московском государственном медико-стоматологическом университете, он осознал, что выполняет воспитательно-социализирующую задачу по подготовке к «социальному состоянию, в котором они [студенты] должны будут попасть после окончания университета».

уживаются беспроблемно? Анализ интервью показал, что приобщение к каждой новой роли, как правило, вынужденное. Оно влечет за собой дополнительную ответственность и нагрузку.

Некоторые из ролей, такие как «муж», «отец семейства» входили в конфликт с интенсивным образом жизни и низким уровнем дохода университетского преподавателя: «как только появляется семья, то сразу спрашиваешь себя: почему здоровый крепкий мужик, который мог бы руками зарабатывать раза в три больше, должен работать в сфере, которую ладно, что плохо оплачивают, так могут и вовсе прикрыть» (С.Б. Крих). В данном случае университет представляется институцией, не способной предложить молодым мужчинам достойный заработок; «а женщины легче мирятся со своими мизерными преподавательскими доходами как с дополнительными по отношению к заработкам мужей» (Ю.Л. Сироткин). Связанная с падением доходности и престижем феминизация университетов очевидна в статистических данных. В 1995 г. женщины составили 44% преподавательского состава, в 2009 г. данный показатель вырос до 55%. Впрочем, гендерное распределение по должностям в университете не равномерно. С 1995 по 2009 г. отмечается преобладание женщин в категориях старший преподаватель, преподаватель и ассистент. Количество же женщин-доцентов и мужчин-доцентов оставалось примерно равным. Элитные должности оставались и в это время уделом мужчин. Только 20% российских профессоров были женского пола. Должность заведующего кафедрой доставалась им только в 25–28% случаев. Примерно такое же соотношение женщин и мужчин было на должностях деканов²².

Многие информанты признавались, что постоянно умножающиеся обязанности выматывали, забирали много сил²³. Учебная нагрузка в постсоветское время возрастала с каждым годом. В 1995 г. на одного преподавателя приходилось 11 студентов (такую же нагрузку имели и работники начального профессионального образования), а в 2002 г. – уже 18²⁴. Многим приходилось жертвовать какой-то из ролей в ущерб преподаванию, научно-исследовательской деятельности или собственным предпочтениям и желаниям, к примеру, выбирать университет не по симпатии, а по близости к дому (Н.А. Заиграва). Наиболее сложным в этом плане было совмещение семьи и университета: «у нас есть не

²² Образование в России. 2003. Табл. 5.14, табл. 5.15; Образование в Российской Федерации: 2010. С. 152. Табл. 4.38, табл. 4.39.

²³ В.Л. Кляус, М.Л. Бережнова, Л.К. Масиэль-Санчес.

²⁴ Образование в России. 2003. Табл. 5.18.

только профессиональная карьера, но и семейная карьера, и к определенному возрасту мы зависим от своих близких» (О.К. Кучмаева).

При изучении университетов 1980–2000-х гг. мы столкнулись с тем, что, несмотря на схожие экономические и политические условия, единые законы, люди по-разному ощущали себя. В собранных интервью присутствует так называемая коллективная мифология, когда индивидуальные воспоминания трансформировались под воздействием заданных в академическом, и не только, сообществе ценностных установок. Плодом такой мифологии может стать двойственность, которая появляется в результате конфликта того, как «должно было быть» или представления об идеальном университете, и реальности.

В собранных интервью присутствуют виктимные настроения. Многие информанты явно ощущают себя жертвами государственной политики или прожитой эпохи, испытывают чувство обиды за себя и свое поколение. К примеру, В.В. Файер говорит о себе: «Я пал жертвой институционального перехода со специалитета на систему бакалавриата и магистратуры». При этом он не винит кого-то персонально, а сводит все к «звездам». А.Е. Липатов убежден в том, что западные кампании уничтожили отечественную науку и «гранты даются не за открытие научное, чтобы сердцевину дела захватило, а по знакомству». Свое неучастие в них он объясняет недоверием и неприятием данной системы. И.М. Савельева защитила докторскую диссертацию в 1991 г., «как раз, когда настали трудные времена для человека, занимающегося гуманитарной наукой». Получить профессорское звание в это время ей казалось бессмысленным, поэтому она отложила это на неопределенный срок.

Порой жертвой выступает не конкретный человек, а сам университет или его составная часть. Так, А.Б. Каменский жертвой называет исторический факультет Саратовского университета: в 2000-е годы «он пал жертвой политических и иного рода разборок внутри администрации университета».

Другая стратегия идентификации проявляется тогда, когда рассказчик описывает себя «героем», справившимся с превратностями судьбы, устоявшим перед опасностями и политическими потрясениями. Так, Ю.Л. Сироткин, описывая нестабильность, кризис, поразивший Россию в годы перестройки, когда государство фактически отвернулось от ученых, констатирует, что справился со всем этим сам: «А стать “челноком” и ездить за товаром в Турцию я не хотел, хотел остаться в профессии преподавателем, ученым».

Заключение

Изучение собранных на данный момент интервью убедило нас в том, что рассказы об университетах нельзя четко отнести к какому-то определенному направлению исторического знания, будь то история государственного учреждения или повседневная история. Вопросы были ориентированы на описание образа университета в разные периоды. О каком университете предпочтет рассказать преподаватель, мы не знали. Часть опрошенных, независимо от нынешнего места их работы, рассказывая об университете, подразумевали *alma mater*²⁵. Другая часть при ответах с легкостью переходила от описания одного университета к другому, сопоставляя их. Однако были и те, кто терялся и не знал, про какой университет говорить, про тот, в котором учился, про тот, в котором работает сейчас или идеальный, ментальный университет. Отчасти такая дезориентация объясняется переименованиями многочисленных институтов в университеты, отчасти – личными соображениями («университет изменился очень сильно, я могу говорить в первую очередь об Омском университете, в котором учился»: А.В. Свешников).

Практически в каждом из интервью обнаруживаем рассказ об университете как об основном месте работы (М.А. Боровская), о государственной инстанции, о живом организме, в который можно «врасти» и на котором можно ставить эксперименты²⁶, или как о родном доме. Образ университета порой сводится к кафедре, факультету или отделению²⁷. Он с легкостью переходит от динамичного, меняющегося во времени и чуткого к изменениям (И.А. Хохлов) к статичному, абстрактному объекту гордости и восхищения²⁸. Для очень многих информантов университет – это, прежде всего, люди в лице ректора, деканов, преподавателей и студентов. Все, что происходит между ними, и составляет жизнь университета. Ряд преподавателей отметили, что от отношений, которые складываются между разными участниками академической жизни, зависит самоощущение университетских людей²⁹.

В представлении почти всех наших информантов Университет развивается, когда преподаватели сами решают его судьбу, отвечают за качество преподавания, когда в кабинет ректора можно постучаться и легко попасть. Он переживает кризис, когда преподаватели ощуща-

²⁵ Напр., М.Ю. Гребенкин.

²⁶ И.П. Кулакова, А.Б. Каширин, Т.П. Гусарова.

²⁷ И.И. Варьяш, А.И. Гранович.

²⁸ А.Л. Камалов, П.Н. Курлович, М.Ю. Гребенкин.

²⁹ Е.А. Вишленкова, Ю.И. Бутенко, Ю.А. Иваненко.

ют себя наемниками, которые ничего не решают, а кабинет ректора окружен вневедомственной охраной и приема к нему ждать следует очень долго. Образ университета не всегда содержит только позитивные коннотации. Выражая ощущение фрустрации и разочарования, информанты переходят на язык военной (агрессивной) метафоры и говорят об университете как механизме подавления и угнетения, «закрытой военной конторе», «научной казарме» (И.С. Дмитриев). Как правило, эти ощущения вызваны внутренним конфликтом, спровоцированным изменениями в университете. Многие информанты входили с трепетом и уважением в один тип университета (он мог быть идеальным, или просвещенческим, или элитарной школой), а затем в силу реформ оказались совсем в другом заведении (фабрике с конвейером, супермаркете с образовательными услугами, менеджериальном сообществе). Далекое не все смогли принять и вписаться в эти перемены. Отсюда ностальгические мотивы во многих воспоминаниях о былом.

Каждое интервью – уникальный текст памяти. Даже собранные в одном архиве, они не образуют единую и согласованную коллективную память о совместном прошлом. Соответственно создать на их основе единый бесконфликтный исторический нарратив представляется трудно разрешимой задачей. Избежать при этом жертв невозможно: это будет история «в общих чертах», обделенная деталями и нюансами. Перед идеальным читателем или исследователем нашего архива должна стоять иная задача – реконструкция множественных версий прошлого. При таком подходе есть шанс обрести человеко-ориентированную историю постсоветского университета, которая будет рассказывать не о вехах институционального развития, а о жизни университетских людей, их историях вживания и выживания в академии. Создав архив личных воспоминаний, мы получили сложно сплетенную историю, в ткани которой прочитываются и просматриваются сотни и тысячи судеб-нитей.

Сведения об информантах

1. Акельев Евгений Владимирович – доцент кафедры политической истории факультета истории Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (далее НИУ ВШЭ), Москва. Интервью состоялось в течение 2011/2012-го учебного года.

2. Аكوпова Татьяна Сергеевна – доцент кафедры социально-политических теорий Ярославского государственного университета имени Демидова. Интервью состоялось в ноябре 2014 года.

3. Алмазова Наталья Сергеевна – доцент кафедры истории идей и методологии исторической науки факультета истории НИУ ВШЭ (Москва). Интервью состоялось в течение 2011/2012-го учебного года.

4. Антонова Виктория Константиновна – профессор высшей школы урбанистики, профессор кафедры общей социологии факультета социальных наук НИУ ВШЭ (Москва). Интервью состоялось 27 апреля 2013 года.

5. Ануфриев Сергей Иосифович – ректор Томского областного института повышения квалификации работников образования. Интервью состоялось 28 февраля 2013 года.

6. Архипова Татьяна Григорьевна – декан факультета документоведения Историко-архивного института Российского государственного гуманитарного университета (далее РГГУ). Интервью состоялось 28 ноября 2012 года.

7. Афанасьев Алексей Константинович – проректор Московского архитектурного института по учебной работе. Интервью состоялось 17 сентября 2013 года.

8. Бабкова Галина Олеговна – доцент кафедры политической истории факультета истории НИУ ВШЭ, Москва. Интервью состоялось в 2011 году.

9. Базаров Тахир Юсупович – профессор кафедры организационной психологии факультета психологии НИУ ВШЭ (Москва). Интервью состоялось 28 января 2013 года.

10. Беляева Нина Юрьевна – заведующая кафедрой публичной политики факультета социальных наук НИУ ВШЭ (Москва). Интервью состоялось 18 ноября 2013 года.

11. Бережнова Марина Леонидовна – доцент кафедры этнографии и музееведения Омского государственного университета имени Ф.М. Достоевского (далее ОмГУ). Интервью состоялось 29 марта 2013 года.

12. Бикташева Алсу Назимовна – профессор кафедры социальной истории факультета истории НИУ ВШЭ (Москва). Интервью состоялось 6 ноября 2012 года.

13. Блинова Анна Николаевна – доцент кафедры этнологии, антропологии, археологии и музеологии исторического факультета (далее ОмГУ). Интервью состоялось 29 марта 2013 года.

14. Бойцов Михаил Анатольевич – профессор кафедры политической истории факультета истории НИУ ВШЭ (Москва). Интервью состоялось 7 февраля 2013 г.

15. Боровская Марина Александровна – ректор Южного федерального университета. Интервью состоялось 24 января 2013 года.

16. Будницкий Олег Витальевич – профессор кафедры политической истории факультета истории НИУ ВШЭ (Москва). Интервью состоялось 29 ноября и 7 декабря 2012 года.

17. Бутенко Юрий Иванович – профессор кафедры сопротивления материалов Казанского государственного архитектурно-строительного университета (далее КГАСУ). Интервью состоялось в июле 2013 года.

18. Бухараев Владимир Миннетович – доцент кафедры политической истории Института истории, начальник Информационно-аналитического центра Казанского (Приволжского) Федерального университета (КФУ). Интервью состоялось 7 октября 2013 года.

19. Бычков Сергей Павлович – доцент кафедры современной отечественной истории и историографии исторического факультета ОмГУ. Интервью состоялось 4 сентября 2013 года.

20. Варьяш Ирина Игоревна – доцент кафедры истории средних веков исторического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (далее МГУ). Интервью состоялось 27 июня 2013 года.

21. Васильев Алексей Григорьевич – доцент кафедры теории и истории гуманитарного знания историко-филологического факультета Института филологии и истории РГГУ. Интервью состоялось 5 июля 2013 года.

22. Вдовин Алексей Владимирович – доцент факультета филологии НИУ ВШЭ (Москва). Интервью состоялось в 2013 году.

23. Виленский Михаил Яковлевич – профессор кафедры педагогики и психологии профессионального образования Московского государственного педагогического университета имени Ленина (далее МГПУ). Интервью состоялось 8 сентября 2013 года.

24. Виноградов Андрей Юрьевич – доцент кафедры социальной истории факультета истории НИУ ВШЭ (Москва). Интервью состоялось 20 февраля 2012 года.

25. Вишленкова Елена Анатольевна – профессор кафедры социальной истории факультета истории НИУ ВШЭ (Москва). Интервью состоялось в марте 2011 года, второе – 12 сентября 2012 года.

26. Воскобойников Олег Сергеевич – профессор кафедры социальной истории факультета истории НИУ ВШЭ (Москва). Интервью состоялось 20 февраля 2012 г.

27. Горбатов Виктор Викторович – старший преподаватель кафедры онтологии, логики и теории познания факультета философии НИУ ВШЭ (Москва). Интервью состоялось в 2013 году.

28. Гранович Андрей Игоревич – заведующий кафедрой зоологии беспозвоночных биологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета (далее СПбГУ). Интервью состоялось 14 мая 2014 года.

29. Гребенкин Михаил Юрьевич – выпускник исторического факультета Казанского государственного университета, старший преподаватель кафедры криминологии Казанского юридического института МВД России (далее КЮИ МВД России). Интервью состоялось 7 марта 2013 года.

30. Грунин Юрий Борисович – заведующий кафедрой физики Поволжского государственного технологического университета (далее ПГТУ). Интервью состоялось 5 ноября 2012 года.

31. Гусарова Татьяна Павловна – доцент кафедры истории Средних веков исторического факультета МГУ. Интервью состоялось 7 сентября 2013 года.

32. Гусейнов Гасан Чингизович – профессор факультета филологии НИУ ВШЭ (Москва). Интервью состоялось 21 февраля 2013 года.

33. Давидсон Аполлон Борисович – профессор кафедры истории идей и методологии исторической науки факультета истории НИУ ВШЭ (Москва). Интервью состоялось 26 сентября 2013 года.

34. Данилевский Игорь Николаевич – заведующий кафедрой истории идей и методологии исторической науки факультета истории НИУ ВШЭ (Москва). Интервью состоялось 2 ноября 2012 года.

35. Дмитриев Игорь Сергеевич – профессор института философии СПбГУ. Интервью состоялось 14 мая 2014 года.

36. Доброхотов Александр Львович – профессор кафедры наук о культуре отделения культурологии факультета философии НИУ ВШЭ (Москва). Интервью состоялось 23 ноября 2012 года.

37. Заварина Елена Сергеевна – доцент департамента статистики и анализа данных кафедры макроэкономической статистики НИУ ВШЭ (Москва). Интервью состоялось 18 апреля 2013 года.

38. Заиграва Нина Анатольевна – заместитель заведующего кафедрой английского языка при факультете менеджмента НИУ ВШЭ (Москва). Интервью состоялось 30 ноября 2013 года.

39. Зинченко Владимир Петрович – профессор НИУ ВШЭ (Москва). Интервью состоялось в 2013 году.

40. Иваненко Юрий Алексеевич – доцент кафедры ботаники биологического факультета СПбГУ. Интервью состоялось 14 мая 2014 года.

41. Иванов Анатолий Евгеньевич – профессор, главный научный сотрудник Института Российской истории РАН. Интервью состоялось 27 марта 2013 года.

42. Ильин Владимир Иванович – профессор кафедры социологии культуры и коммуникации факультета социологии СПбГУ. Интервью состоялось 31 октября 2012 года.

43. Исмагилова Татьяна Сергеевна – доцент кафедры технологии организации и механизации строительства КГАСУ. Интервью состоялось 26 июля 2013 года.

44. Казаков Роман Борисович – менеджер факультета истории НИУ ВШЭ (Москва). В 1990 г. окончил факультет архивного дела Московского государственного историко-архивного института. Интервью состоялось в течение 2001/2012-го учебного года.

45. Калягин Борис Александрович – профессор факультета коммуникаций, медиа и дизайна НИУ ВШЭ (Москва). Интервью состоялось 24 апреля 2013 года.

46. Камалов Айрат Ленарович – выпускник исторического факультета Казанского государственного университета, преподаватель КЮИ МВД России. Интервью состоялось 14 января 2013 года.

47. Каменский Александр Борисович – декан факультета истории НИУ ВШЭ (Москва). Интервью состоялось в течение 2011/2012-го учебного года, второе – 12 декабря 2013 года.

48. Кантор Владимир Карлович – профессор кафедры истории философии факультета философии НИУ ВШЭ (Москва). Интервью состоялось в течение 2011/2012-го учебного года.

49. Карачуба Ирина Владимировна – кандидат исторических наук, в 1994-2011 гг. работала на факультете иностранных языков МГУ доцентом кафедры региональных исследований. В настоящее время преподает в Свято-Филаретовском православно-христианском институте. Интервью состоялось 16 ноября 2012 года.

50. Карачурина Лилия Борисовна – доцент кафедры демографии Института демографии НИУ ВШЭ (Москва). Интервью состоялось 22 марта 2013 года.

51. Каширин Александр Борисович – преподаватель факультета «Биомедицинская техника» Московского Государственного Технического Университета им. Баумана. Интервью состоялось 6 октября 2013 года.

52. Квашонкина Светлана Васильевна – декан факультета довузовской подготовки НИУ ВШЭ (Москва). Интервью состоялось в 2013 году.

53. Кляус Владимир Леонидович – профессор Учебно-научного центра социальной антропологии РГГУ, заведующий отделом информационных технологий и источниковедения Института мировой литературы имени А.М. Горького РАН. Интервью состоялось 16 ноября 2011 года.

54. Корневский Андрей Витальевич – доцент кафедры зарубежной истории и международных отношений исторического факультета Южного Федерального университета (далее ЮФУ). Интервью состоялось 18 мая 2013 года.

55. Крих Сергей Борисович – доцент исторического факультета ОмГУ. Интервью состоялось 28 ноября 2012 года.
56. Куза Василий Андреевич – менеджер факультета истории НИУ ВШЭ (Москва). В 1989 г. окончил исторический факультет МГУ. Интервью состоялось в течение 2011/2012-го учебного года.
57. Кулакова Ирина Павловна – доцент кафедры истории России до начала XIX в. исторического факультета МГУ. Интервью состоялось 8 ноября 2013 года.
58. Куренной Виталий Анатольевич – заведующий отделением культурологии, заведующий кафедрой наук о культуре факультета философии НИУ ВШЭ (Москва). Интервью состоялось в течение 2011/2012-го учебного года.
59. Курлович Павел Николаевич – выпускник исторического факультета Казанского государственного университета 1994 года, старший преподаватель Казанского государственного технологического ун-та. Интервью состоялось 11 января 2013 года.
60. Кучмаева Оксана Викторовна – профессор кафедры статистических методов департамента статистики и анализа данных НИУ ВШЭ (Москва). Интервью состоялось 22 мая 2013 года.
61. Липатов Александрович Тихонов – профессор кафедры журналистики историко-филологического факультета Марийского государственного университета. Интервью состоялось 5 ноября 2012 года.
62. Липский Борис Иванович – заведующий кафедрой онтологии и теории познания института философии СПбГУ. Интервью состоялось 29 октября 2012 года.
63. Ляшенко Леонид Михайлович – профессор кафедры истории России МПГУ. Интервью состоялось 10 октября 2013 года.
64. Малышева Светлана Юрьевна – профессор кафедры историографии и источниковедения Института истории КФУ. Интервью состоялось 13 ноября 2013 г.
65. Марей Александр Владимирович – доцент кафедры практической философии факультета философии НИУ-ВШЭ (Москва). Интервью состоялось 3 июня 2014 г.
66. Масиель Санчес Лев Карлосович – доцент факультета истории НИУ ВШЭ (Москва). Интервью состоялось 29 ноября 2013 года.
67. Могильнер Марина Борисовна – до 2005 года занимала должность доцента кафедры историографии, источниковедения и методов исторического исследования исторического факультета Казанского государственного университета, редактор журнала «Ab Imperio». Интервью состоялось 30 октября 2012 года.
68. Моргачева Елена Николаевна – доцент кафедры специальной психологии факультета медицинской психологии Института психологии имени Л.С. Выготского РГГУ. Интервью состоялось 15 июля 2013 года.
69. Немова Людмила Алексеевна – заведующая сектором экономических проблем Канады Института США и Канады РАН. Интервью состоялось 9 апреля 2013 г.
70. Нуреев Рустем Махмутович – профессор кафедры экономического анализа организаций и рынков департамента прикладной экономики НИУ ВШЭ (Москва). Интервью состоялось 22 января 2013 года.
71. Осповат Александр Львович – профессор факультета филологии НИУ ВШЭ (Москва). Интервью состоялось в течение 2001/2012-го учебного года.
72. Пенская Елена Наумовна – декан факультета филологии НИУ ВШЭ, Москва. Интервью состоялось 21 февраля 2012 года.
73. Покровский Никита Евгеньевич – заведующий кафедрой общей социологии факультета социологии НИУ ВШЭ (Москва). Письмо с ответами на вопросник было составлено 19 октября 2012 года.

74. Порус Вадим Натанович – заведующий кафедрой онтологии, логики и теории познания факультета философии НИУ ВШЭ (Москва). Интервью состоялось 22 октября 2012 года.

75. Ривлина Александра Абрамовна – доцент кафедры английского языка для социальных дисциплин Департамента иностранных языков НИУ ВШЭ (Москва). Интервью состоялось в течение 2011/2012-го учебного года.

76. Романов Юрий Владимирович – заместитель декана исторического факультета МПГУ. Интервью состоялось 25 октября 2014 года.

77. Румянцева Марина Федоровна – доцент кафедры социальной истории факультета истории НИУ ВШЭ (Москва). Интервью состоялось 22 мая 2013 года.

78. Руткевич Алексей Михайлович – декан факультета философии НИУ ВШЭ (Москва). Интервью состоялось 20 октября 2012 года.

79. Савельева Ирина Максимовна – профессор кафедры истории идей и методологии исторической науки факультета истории НИУ ВШЭ (Москва). Интервью состоялось 27 октября 2010 года, второе – 7 ноября 2012 года.

80. Савчук Валерий Владимирович – профессор кафедры онтологии и теории познания института философии СПбГУ. Интервью состоялось 29 октября 2012 года.

81. Салахов Мязном Халимулович – президент КФУ, бывший ректор Казанского государственного университета (2002–2010), заведующей кафедрой оптики и нанофотоники. Интервью состоялось 5 октября 2012 года.

82. Сафарян Раиса Владимировна – доцент кафедры эстрадного искусства Российского университета театрального искусства. Интервью состоялось 12 октября 2013 года.

83. Свешников Антон Вадимович – доцент кафедры всеобщей истории исторического факультета ОмГУ. Интервью состоялось 29 февраля 2013 года.

84. Семина Наталья Викторовна – до 1998 года занимала должность старшего преподавателя кафедры русской и зарубежной литературы в Якутском государственном университете. Интервью состоялось 23 февраля 2013 года.

85. Середина Елена Владимировна – заведующая кафедрой географии туристских направлений Российской международной академии туризма, и профессор РГГУ. Интервью состоялось 28 октября 2014 года.

86. Сизова Анастасия Юрьевна – старший преподаватель кафедры истории России новейшего времени факультета архивного дела Историко-архивного института РГГУ и Учебно-научного центра «Новая Россия». Интервью состоялось 17 февраля 2014 года.

87. Сироткин Юрий Львович – старший преподаватель КЮИ МВД РФ. Интервью состоялось 12 июля 2013 года.

88. Смилянская Елена Борисовна – профессор кафедры истории идей и методологии исторической науки факультета истории НИУ ВШЭ (Москва). Интервью состоялось 20 ноября 2012 года.

89. Стернин Борис Юрьевич – профессор кафедры прикладной математики Российского университета дружбы народов. Интервью состоялось 19 февраля 2013 г.

90. Султанбеков Булат Файзрахманович — в 1991–1993 годы занимал должность заведующего кафедрой Татарского института повышения квалификации работников образования. Интервью состоялось 15 декабря 2012 года.

91. Тихонов Игорь Львович – директор музея истории СПбГУ. Интервью состоялось 14 мая 2014 года.

92. Уваров Павел Юрьевич – заведующий кафедрой социальной истории факультета истории НИУ ВШЭ (Москва). Интервью состоялось в 2011 году.

93. Уколова Виктория Ивановна – профессор кафедры политической истории факультета истории НИУ ВШЭ (Москва). Интервью состоялось в 2011 году.

94. Файер Владимир Владимирович – старший научный сотрудник ИГИТИ имени А.В. Полегаева, преподаватель факультетов философии и филологии НИУ ВШЭ (Москва). Интервью состоялось 29 марта 2013 года.

95. Харитонов Валентина Ивановна – главный научный сотрудник Института этнологии и антропологии имени Н.Н. Миклухо-Маклая РАН. Интервью состоялось 6 ноября 2012 года.

96. Хохлов Игорь Александрович – в 1980-1993 годы преподаватель Московского государственного института международных отношений. Интервью состоялось 12 сентября 2013 года.

97. Хоч Елена Петровна – заместитель заведующего кафедрой английского языка для социальных дисциплин Департамента иностранных языков НИУ ВШЭ (Москва). Интервью состоялось в течение 2001/2012-го учебного года.

98. Чмутова Галина Алексеевна – профессор кафедры органической химии Химического института им. А.М. Бутлерова КФУ. Интервью состоялось 30 июля 2013 г.

99. Шалаев Владимир Павлович – заведующий кафедрой социальных наук и технологий, декан факультета социальных технологий ПГТУ. Интервью состоялось 4 ноября 2012 года.

100. Шапкина Алла Николаевна – профессор кафедры гуманитарных и социальных наук, заместитель декана факультета экономистов-международников Всероссийской академии внешней торговли минэкономразвития России. Интервью состоялось в октябре 2014 года.

101. Шарова Антонина Владимировна – первый заместитель декана факультета истории, доцент кафедры политической истории факультета истории НИУ ВШЭ (Москва). Интервью состоялось 16 апреля 2013 года.

102. Шмурак Илья Львович – с 1956 г. по 2013 г. работал в Научно-исследовательском институте шинной промышленности. Занимал должности младшего научного сотрудника, старшего научного сотрудника, заведующего сектором, заведующего лабораторией, главного научного сотрудника, заведующего лабораторией, заведующего сектором, заведующего лабораторией. Интервью состоялось 28 июля 2013 г.

103. Шукуров Рустам Мухаммадович – доцент кафедры истории средних веков исторического факультета МГУ. Интервью состоялось 22 ноября 2012 года.

104. Энтов Револьд Михайлович – заведующий кафедрой теории денег и кредита департамента теоретической экономики НИУ ВШЭ (Москва). Интервью состоялось 25 января 2013 года.

БИБЛИОГРАФИЯ

Вишленкова Е.А. Темпоральность и восприятие времени в российском университете XIX века (Ч. 1) // Культурологический журнал: электронное периодическое рецензируемое издание. 2011 1(3). URL: http://www.cr-journal.ru/rus/journals/37.html&j_id=5 (время доступа 16.03.2015).

Вишленкова Е.А., Ильина К.А. Университетское делопроизводство как практика управления (Россия, первая половина XIX века) // Вопросы образования. 2013. № 1. С. 232-255.

- Ильина К.А. Профессора и бюрократические коммуникации в Российской империи первой трети XIX века // История и историческая память: Межвуз. сб. науч. тр. Саратов. 2011. Вып. 4. С. 133–158.
- Квале С. Исследовательское интервью. М.: Смысл, 2003. 301 с.
- Нитхаммер Л. Проблемы немецкой памяти. Статьи по устной истории. Пер.с нем. М.: Новое издательство. 2012 [1994]. 536 с.
- Образование в Российской Федерации: 2010: стат. сб. М.: ГУ–ВШЭ, 2010. 492 с.
- Образование в России за 2003 год // Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1139916150203 (время доступа 16.03.2015).
- Хрестоматия по устной истории / Пер., сост., введение, общ. ред. М.В. Лоскутовой. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в С.-Петербурге. 2003. 396 с.
- Центр университетских исследований // ИГИТИ им. А.В. Полетаева. URL: <http://igiti.hse.ru/unimemory> (время доступа 16.03.2015).
- Щеглова Т.К. Устная история: учеб. пособие. Барнаул: АлтГПА. 2010. 364 с.
- Blouin F., Rosenberg W. Processing the Past: Contesting Authority in History and the Archives. N.Y.: Oxford University Press. 2010. 268 p.
- Niethammer L. Lebenserfahrung und kollektives Gedächtnis: die Praxis der «Oral History». Frankfurt am Main: Syndikat. 1980. 375 p.
- Niethammer L. Memory and History: Essays in Contemporary History. Frankfurt am Main, Berlin, Bern, Bruxelles, New York, Oxford, Wien, 2012. 453 p.
- Niethammer L. Posthistoire: Has History Come to an End? L.: Verso. 1994. 158 p.
- Publications // Oral History Association. URL: <http://www.oralhistory.org/publications/> (время доступа 16.03.2015).
- Vishlenkova E. University deloproizvodstvo (paperwork) as a cultural practice and institution (Russia, first half of the 19th century) // "Humanities" (WP BRP 03/Hum/2012) National Research University Higher School of Economics. 2012. 29 p.

REFERENCES

- Vishlenkova E.A Temporal'nost' i vospriyatie vremeni v rossiiskom universitete XIX veka (Ch. 1) // Kul'turologicheskii zhurnal: elektronnoe periodicheskoe re-tsenziruемое izdanie. 2011 1(3). URL: http://www.cr-journal.ru/rus/journals/37.html&j_id=5 (vremya dostupa 16.03.2015).
- Vishlenkova E.A., Il'ina K.A. Universitetskoe deloproizvodstvo kak praktika upravleniya (Rossiya, pervaya polovina XIX veka) // Voprosy obrazovaniya. 2013. № 1. S. 232-255.
- Il'ina K.A. Professora i byurokraticheskie kommunikatsii v Rossiiskoi imperii pervoi treti XIX veka // Istoriya i istoricheskaya pamyat': Mezhvuz. sb. nauch. tr. Saratov. 2011. Vyp. 4. S. 133–158.
- Kvale S. Issledovatel'skoe interv'yu. M.: Smysl, 2003. 301 s.
- Nitkhammer L. Problemy nemetskoj pamyati. Stat'i po ustnoi istorii. Per.s nem. M.: Novoe izdatel'stvo. 2012 [1994]. 536 s.
- Obrazovanie v Rossiiskoi Federatsii: 2010: stat. sb. M.: GU–VShE, 2010. 492 s.
- Obrazovanie v Rossii za 2003 god // Ofits. sait Federal'noi sluzhby gosudarstvennoi statistiki. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1139916150203 (vremya dostupa 16.03.2015).
- Khrestomatiya po ustnoi istorii / Per., sost., vvedenie, obshch. red. M.V. Loskutovoi. SPb.: Izd-vo Evrop. un-ta v S.-Peterburge. 2003. 396 s.

- Tsentr universitetskikh issledovaniy // IGITI im. A.V. Poletaeva. URL: <http://igiti.hse.ru/unimemory> (vremya dostupa 16.03.2015).
- Shcheglova T.K. Ustnaya istoriya: ucheb. posobie. Barnaul: AltGPA. 2010. 364 s.
- Blouin F., Rosenberg W. Processing the Past: Contesting Authority in History and the Archives. N.Y.: Oxford University Press. 2010. 268 p.
- Niethammer L. Lebenserfahrung und kollektives Gedächtnis: die Praxis der «Oral History». Frankfurt am Main: Syndikat. 1980. 375 p.
- Niethammer L. Memory and History: Essays in Contemporary History. Frankfurt am Main, Berlin, Bern, Bruxelles, New York, Oxford, Wien, 2012. 453 p.
- Niethammer L. Posthistoire: Has History Come to an End? L.: Verso. 1994. 158 p.
- Publications // Oral History Association. URL: <http://www.oralhistory.org/publications/> (vremya dostupa 16.03.2015).
- Vishlenkova E. University deloproizvodstvo (paperwork) as a cultural practice and institution (Russia, first half of the 19th century) // "Humanities" (WP BRP 03/Hum/2012) National Research University Higher School of Economics. 2012. 29 p.

Гатина Зарина Салидаровна, стажер-исследователь ИГИТИ им. А.В. Полетаева, аспирант факультета истории НИУ «Высшая школа экономики» (Москва); rzhaya8989@mail.ru

Гребенкина Дина Михайловна, студентка 3-го курса факультета экономики, отделения статистики, анализа данных и демографии НИУ «Высшая школа экономики» (Москва); anleks9@yandex.ru

Personal memories of post-Soviet universities and the archive of professorial identity

The article focuses on the limits of the use of oral history methods in the studies of academic communities. The authors analyze the language and ways of self-description used by the members of contemporary Russian academic community. The study is based on the interviews of Post-Soviet university professors, which helps to find out their concepts of tradition, the origin of their individual memories, and the correlation of these memories to the collective perceptions of the ideal university.

Keywords: oral history, interview, academic community, tradition, Post-Soviet university.

Zarina Gatina, PhD student, Faculty of History, Higher School of Economics (Moscow), Research Assistant, Poletayev Institute for Theoretical and Historical Studies in the Humanities, rzhaya8989@mail.ru

Dina Grebenkina, student, Faculty of Economics, Higher School of Economics (Moscow), anleks9@yandex.ru